

The Livonian police (1914–1917): from professional incompetence to political unreliability

V. O. Zverev¹

¹St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-1-40-49

Research article

Full text in Russian

By summarizing and analyzing archival documents little known to historians of the secret services and law enforcement, this study reveals an unknown chapter in the history of World War I: the participation of gendarmes and external police officers of the Livonian Governorate in the Baltic region on the «secret front» of the fight against German espionage. It concludes that the gendarmes did not provide the armies of the Northern Front with adequate assistance in preventing and suppressing espionage. It examines the military command's distrust of the police due to their political disloyalty to the military authorities, including their betrayal of their shared interests in ensuring the security of the first line of defense.

Keywords: Livonia province; gendarme; general police; counterintelligence; nobility; spy; betrayal; army

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zverev, Vadim O. | E-mail: zverevoma@mail.ru
D. Sc. (History), Associate Professor

Полиция Лифляндии (1914–1917 гг.): от профессиональной несостоятельности до политической неблагонадежности

В. О. Зверев¹

¹Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-1-40-49

Научная статья

УДК 94(47)

Полный текст на русском языке

Путем обобщения и анализа архивных документов, малознакомых историкам спецслужб и правоохранительных органов, открывается неизвестная глава в истории Первой мировой войны – участие жандармов и сотрудников наружной полиции Лифляндской губернии Прибалтийского края на «тайном фронте» борьбы с германским шпионажем. Делается вывод о том, что жандармы не оказывали армиям Северного фронта квалифицированного содействия по линии предупреждения и пресечения его проявлений. Рассматривается практика недоверия со стороны армейского командования к деятельности полицейских по причине их политической нелояльности к военной власти, в том числе предательства общих с ней интересов по обеспечению безопасности первой линии обороны.

Ключевые слова: Лифляндская губерния; жандарм; общая полиция; контрразведка; дворянство; шпион; предательство; армия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зверев, Вадим Олегович	Е-mail: zverevoma@mail.ru
	Доктор исторических наук, доцент, полковник полиции (в отставке), профессор кафедры русского языка

К 19 июля 1914 г. жандармская и общая полиция являлись единственными в своем роде эффективными институтами по поддержанию основ внешней безопасности и внутреннего правопорядка в Российской империи. Однако в отдельных национальных окраинах, а именно в Лифляндской губернии (далее – ЛГ) Прибалтийского края, усилия полицейских по защите безопасности тыла вооруженных сил, а также

незыблемости самодержавной власти и идеи верховенства ее законов в уголовно-правовой сфере носили слабо выраженный характер.

О том, как себя зарекомендовали прибалтийские органы политической и общей полиции в борьбе с внешними угрозами против русской армии в первой четверти XX столетия (1914–1917 гг.), в отечественной историографии до сих пор ничего не сказано. Именно поэтому мы решили приоткрыть кулисы контрразведывательной истории и определить место и роль в ней кадрового состава указанных силовых структур в годы Первой мировой войны. И начнем достижение намеченной научной цели с ответа на ряд вопросов, прежде всего, имелись ли заслуги у начальника Лифляндского губернского жандармского управления (далее – ГЖУ) в деле розыска агентов иностранных разведок, в первую очередь – в их главном опорном пункте, городе Риге?

Профессиональная несостоятельность жандармской полиции

14 октября 1915 г. в адрес министра внутренних дел А. Н. Хвостова поступило секретное письмо. «В связи с предпринятыми мною мерами по очистке Лифляндской губернии от германских шпионов <...>, во главе Лифляндского ГЖУ необходимо иметь энергичного, знакомого со своим делом, вполне стойкого в русских убеждениях человека...» [1, л. 3], – резюмировал главнокомандующий армиями Северного фронта (далее – СФ) генерал-майор Н. В. Рузский. Он был убежден, что действовавший на тот момент начальник Лифляндского ГЖУ генерал-майор А. П. Бельский не соответствует требованиям военного времени, а его взгляд на разведывательную деятельность противника «не отвечает действительному положению вещей» [1, л. 3].

Поводом для серьезного обвинения, да еще и на столь высоком уровне государственной власти, стал отчет о командировке в Ригу штаб-офицера при военно-судной части штаба СФ, военного юриста полковника А. С. Резанова (осень 1915 г.). В ходе ревизии деятельности Лифляндского ГЖУ ему удалось обнаружить ряд существенных профессионально-служебных нарушений, в частности – необоснованно прекращенные дознания по фактам военного шпионажа и «сравнительно немного» раскрытых дел этой категории [2, л. 17]. Персональная ответственность за беспечное отношение к обязанностям по службе и ее некачественную организацию справедливо была возложена на Бельского, который, кстати, в феврале 1916 г. стал фигурантом еще одной служебной переписки – уже по линии министерства юстиции. Будучи начальником Варшавского ГЖУ, высокопоставленный жандарм не выполнил прямой приказ генерал-квартирмейстера штаба 2-й армии СФ, следствием чего

стал побег из-под стражи изобличенного в шпионаже 15-ти летнего подростка Юзефа Смысловского [3, л. 50–51, 55].

Отстранение Бельского от должности, вызванное недобросовестностью, недостаточным контролем за подчиненными и склонностью к проявлениям авантюризма названного генерала, ударило по его репутации. Глава Лифляндского ГЖУ не отметил ни особыми личностными качествами, ни рвением к службе, ни высокими и стабильными показателями в организации розыска. Поэтому не удивляет тот факт, что личный состав Бельского показывал «работу спустя рукава», и в итоге – неудовлетворительную статистику по линии пресечения шпионажа (в архивных документах встречаются лишь единичные сведения о выявлении, задержании и привлечении к административной или уголовной ответственности конкретных фигурантов). Пошатнулся авторитет политического сыска в масштабах Прибалтийского края, а также были поставлены под сомнение возможные успехи контрразведывательной деятельности жандармов и результаты их сотрудничества с отделениями военной контрразведки в тылах армий СФ.

Следующие вопросы, ответы на которые способны пролить свет на отношение чинов другого подразделения – общей полиции – к соблюдению текущих правовых и морально-этических норм, сформулируем так: имелись ли доказательства участия представителей лифляндской полиции в военном шпионаже? И было ли доверие к полиции ЛГ со стороны главнокомандования СФ и командования входящих в ее состав армий?

Политическая неблагонадежность (предательство) общей полиции

Представители городской и особенно уездной полиции в ЛГ, контактировавшие с местной немецко-дворянской кастой и фактически находившиеся в коррупционной зависимости от нее, как выяснилось, косвенно были причастны к шпионажу. Одним из первых об этой проблеме заявил офицер штаба 6-й армии СФ ротмистр Черник. По итогам своей командировки на острова Эзель и Даго (Моондзундский архипелаг), 2 июля 1915 г. он сообщал командованию: «До начала войны острова кишели толпой германских шпионов, *которые под охраной местных помещиков и, находящихся у последних на откупе и в полном подчинении, представителей местной полиции* (курсив – В.З.), свободно разъезжали по островам <...> верхом, на автомобилях, в экипажах, на лодках, пароходах, снимая планы, фотографии, производили возможные разведки, устанавливали световые сигнализации, станции радиоте-

леграфа... *Все это продолжается и в данное время* (курсив наш – В.З.), но лишь в значительно меньшей степени и не столь открыто» [4, л. 1].

О «поместном дворянстве» как акторе военной угрозы и ее инструменте в лице полицейских чинов месяцем позднее докладывал и помощник главного начальника Двинского военного округа, особоуполномоченный по гражданскому управлению Прибалтийского края генерал-лейтенант П. Г. Курлов. Он, в частности, обратил внимание министра внутренних дел на то, что «зависимость» полиции от «местных помещиков» влияет на отсутствие «должной интенсивности при производстве дознаний об их изменнических действиях» [5, л. 16].

Под терминами «поместное дворянство» и «местные помещики» ротмистр Черник, а вскоре и генерал Курлов, подразумевали имена собственные – конкретных людей, которые покровительствовали шпионам и, с позиции норм уголовного права, являлись их соучастниками. И поэтому можно предположить, что слова «барон» и «шпион» иногда были синонимичными. Хотя все тот же Курлов, глубоко вникавший во все актуальные проблемы и имевший точное представление о криминальной обстановке, небезосновательно утверждал: «Было бы неправильно обвинять всех прибалтийских немцев в измене» [5, л. 16].

Итак, в одном из вышеприведенных «шпионских примеров» на Моондзундском архипелаге полиция «закрывала глаза» на преступления тех самых конкретных людей и демонстрировала преступное бездействие. В другом примере, напротив, предпочитала действовать (проводить дознания), но недостаточно активно, возможно, неохотно. Незаинтересованность в своевременном и всестороннем разбирательстве, его искусственное затягивание могли пагубно повлиять на сбор документальных свидетельств, реконструкцию объективной картины преступления и, главное, изобличение виновных. Этот вывод в совокупности с вышеотмеченным указанием на финансовую зависимость полицейских позволяет нам выдвинуть предположение об их политически-нелояльных умонастроениях, а в отдельных случаях и предательстве по отношению к российской императорской власти в Прибалтике (на Моондзунде).

К концу войны острова Эзель и Даго превратились в замаскированные долговременные наблюдательные посты агентов германской разведки. Ввиду чего, она получила достаточное представление об огневой мощи, инженерном состоянии русских береговых (островных) батарей и настрое обслуживающих их моряков, а также численности, классе и боеспособности Балтийского флота. Это бесспорно способствовало поражению части его кораблей и батарей в противоборстве с немецкой эскадрой и потере Моондзундского архипелага в октябре 1917 г.

В уездах Лифляндии, находившихся в непосредственной близости к морской и сухопутной линиям соприкосновения, неблагонадежность губернской полиции и ответное чувство недоверия к ней со стороны военного руководства были частым явлением. 2 августа 1915 г. генерал-квартирмейстер штаба СФ генерал-майор Б. П. Баженов, обращаясь к личному составу 3-й казачьей Донской дивизии, призывал военнослужащих быть «более сдержанными в разговорах о своих задачах, служебных маршрутах, боевых действиях <...>, не посвящая в это даже чинов местной полиции» (курсив – В.З.)» [7, л. 418]. Настороженность вызывали те ее сотрудники, которые 25 июля сообщили «некоторым местным обывателям» о секретной миссии казачьего отряда названной дивизии по пути его следования из Вольмара (Лифляндия) в Феллин (Эстляндия) [7, л. 418]. Кроме этого, военной истории известны и другие случаи, когда целые подразделения лифляндской полиции, как непредсказуемый и опасный политический контингент, приравнивались к потенциальным врагам Отечества.

Так, вслед за поступившим 12 сентября 1915 г. распоряжением главнокомандующего войсками СФ о немедленной сдаче лицами немецкого происхождения и немецкими обществами огнестрельного и холодного оружия [6, л. 28–29] последовал приказ «об отобрании оружия у мызной (сельской – В.З.) полиции Вендена» [6, л. 75]. Наконец, некоторые из сотрудников полиции, как установила в мае 1916 г. контрразведка штаба 6-й армии, несанкционированно собирали «данные о прибывающих во вверенные им районы войсковых частях (русской армии – В.З.), с выяснением состава, количества и т. п.» [8, л. 143]. Фронтовое и армейское командование, сложившие из секретной переписки исчерпывающее представление о «внутренней опасности», не доверяли полицейским ЛГ и считали их тайными пособниками врага (через посредничество германофильской части прибалтийско-немецкого дворянства), предателями Родины и своей профессии, а также теми, кто был готов в момент испытаний нанести неожиданный и чувствительный удар в тыл действующей армии.

Наряду с практикой недоверия полицейским по причине их политической неблагонадежности, в памяти поколений останутся и факты участия некоторых сотрудников правопорядка в преступлениях общегосударственной направленности: от незаконной выдачи разрешений на велосипедные поездки в прифронтовом Перновском уезде (район побережья Рижского залива) до несанкционированного группового участия в пивоварении и продаже металла [8, л. 234, 383].

Таким образом, обнаруженные факты многолетних и устойчивых коррупционных связей полицейских, их участия в совершении государственных и иных уголовных преступлений позволяют утверждать, что профессионально-личностный отбор в органы правопорядка ЛГ не был строгим (это касалось комплектования как начальствующих, так и низовых должностей), а подчиненность прибалтийской полиции аппарату МВД России (Санкт-Петербург) носила только формальный или номинально-атрибутивный характер. В действительности же, опосредованной связью с эмиссарами иностранных разведок (через немецко-прибалтийских баронов), а в исключительных случаях и непосредственными контактами с криминальной средой, «запятнавшие» свои мундиры полицейские являлись скрытыми, а потому коварными врагами государства. Эта категория мздоимцев и лицемеров, или, выражаясь современным языком, «оборотней в погонах», совершив изменническое деяние единожды, имела предрасположенность и к очередному предательству.

В целях предупреждения и недопущения со стороны органов полиции, в частности ее руководства, рецидивных преступлений, в том числе против интересов действующей армии, подлежали отстранению от службы состоявшие в рижской полиции германские подданные (причина столь крайней и решительной меры видится в том, что вышеупомянутый полковник Резанов выявил многочисленные компрометирующие связи лифляндских немцев с их родственниками в Германии и ее армии, воевавшей на Восточном фронте). В начале сентября 1915 г. своих постов лишились полицмейстер Нилендер и его помощник Россеман, начальник сыскной полиции Грегус [6, л. 21]. Примером высшей степени подозрительности и недоверия к названным руководителям со стороны военных, особенно к тем, кто обладал «немецкими корнями», стало задержание уволенному Нилендеру проживать в Прибалтийском крае [6, л. 45]. Через считанные дни запрет распространился уже на всех «чинов администрации, уволенных со службы в последнее время» [6, л. 67].

Органы политической и общей полиции, согласно выводам Резанова, оказались неготовыми к успешной борьбе со шпионами, центром сосредоточения которых являлась лифляндская столица. Следствием стали кадровые перестановки в ее правоохранительной сфере, которые заключались в замене чиновников-немцев на русских сотрудников. Кроме того, 15 октября 1915 г. этнического немца, помощника пристава речной полиции Риги Гнериха, арестовали и принудительно выслали за пределы театра военных действий [6, л. 82].

Таким образом, в разгар войны, когда находившаяся на военном положении Лифляндия нуждалась в общественном покое, порядке и законности, немалая часть правоохранителей оказалась ее первыми и грубыми нарушителями. Они пренебрегали российскими уголовными законами и, главным образом, тяжкими статьями (о взяточничестве и военном шпионаже (государственной измене)). Будучи «преступниками в погонах», они вели аморальный образ жизни в профессии и были способны пойти на сделку с совестью. Такой подход к службе ставил безнравственных приставов, околоточных надзирателей и др. чинов вне закона и отождествлял их с «внутренней опасностью», «внутренними врагами российского государства».

Из вышесказанного может сложиться ложное впечатление, что Рига, а вместе с ней и другие города и местности ЛГ, были насыщены лишь политически нелояльными и «не чистыми на руку» полицейскими или предателями из их числа. Это не совсем так. В Прибалтийском крае служили и те, кто честно выполнял свой долг. Вот какую характеристику дал исполняющему обязанности пристава Пернова, помощнику пристава Кофферу, наблюдавший за ним секретный сотрудник («Садовник») контрразведывательного отделения штаба 6-й армии СФ: «...человек в высшей степени честный и порядочный» [9, л. 72].

Взаимодействуя с армейским командованием по линии контрразведки в 1915–1916 гг., сотрудники общей полиции возбуждали дознания против неправомерного содержания «почтовых голубей», участвовали в поисках «спрятанных» немцами запасов хлеба и меди, в разрушении вышек, с которых можно было вести наблюдение и сигнализацию (в интересах противника), в наблюдении за законностью деятельности некоторых религиозных обществ [8, л. 99, 363; 6, л. 61; 9, л. 45].

Завершая изложение, отметим, что мы обнаружили и связали воедино уникальную для истории отечественных спецслужб и органов внутренних дел практику «обеспечения внешней (государственной) безопасности», главными слагаемыми которой стали личная безответственность, служебно-групповая политическая неблагонадежность, а также производная от нее – предательство Родины, профессии и сослуживцев. Эти морально-нравственные и психологические феномены были реализованы руководителями и сотрудниками ведомственных корпораций губернского масштаба – органов политической (жандармской) и общей полиции конкретного административно-территориального образования на северо-западе Российской империи (Лифляндия).

В обстановке военной катастрофы, когда русская армия отступала и несла тяжелые потери в ходе кровопролитных оборонительных боев,

а в крупных прибалтийских и особенно лифляндских городах, прежде всего в Риге и прилегающем районе, активную подрывную работу вели германские шпионы, части 6-й и 12-й армий СФ не могли рассчитывать на надежность своих тылов. Ведь их контрразведывательное сопровождение возлагалось на жандармов и полицейских, доверие к которым было сведено к минимуму или утрачено из-за профессиональной некомпетентности одних (низкий уровень розыска и раскрываемости «шпионских дел») и предательства других (пособничество вражеским агентам). В итоге передовые войска остались без жандармско-полицейского прикрытия своих тылов.

Сложившаяся атмосфера уязвимости и безысходности, обусловленная наличием фактора «внутренней опасности», могла негативно повлиять на морально-политическую и эмоционально-волевую стойкость русского генералитета (прежде всего, командный состав 6-й и 12-й армий – в разное время генералы В. Н. Горбатовский, Р. Д. Радко-Дмитриев, Д. П. Парский и др.), а также на способность сохранять ясность мышления в критических ситуациях ведения боя.

Как верно заметил один из непосредственных участников Первой мировой войны и будущий английский военный историк Б. Г. Лиддел Гарт: «Глубочайшая правда войны состоит в том, что исход битвы решается в умах военачальников, а не в телах их воинов» [10, с. 4]. Эта мысль нашла свое подтверждение в бездарной организации обороны Риги командующим 12-й армией Парским и не предпринятых им и его предшественниками мер по защите островов, в частности, Эзеля и Даго, а также их «своевременному очищению» [11, с. 428]. Данной незавершенной фразой А. М. Зайончковский, на наш взгляд, констатирует, что на островных территориях, имевших военно-стратегическое значение, не был ликвидирован фактор «внутренней опасности», т. е. заранее не удален неблагонадежный элемент из числа местных жителей и «продажных» полицейских.

Поэтому допускаем, что трагические поражения осени 1917 г. в Лифляндии (потеря Риги, Усть-Двинска и Моонзунда) стали закономерным следствием не только численного и военно-технического превосходства сухопутных сил и флота Германии, низкой боеспособности (по причине революционного разложения) частей 12-й армии, но и неадекватности ее командования, его тактических просчетов. Одной из косвенных причин является отсутствие у обороняющейся стороны (Парский и подчиненные ему командиры) уверенности в прочном тыле – в лице патриотически настроенного гражданского населения, а также эффективных и верных присяге органов безопасности и правопорядка ЛГ.

Ссылки

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее - РГВИА). Ф. 2031. Оп. 4. Д. 377.
2. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 131.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1888.
4. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 23.
5. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 1673.
6. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 71.
7. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 2.
8. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 58.
9. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 93.
10. Лиддел Гарт Б. Г. Правда о Первой мировой. М.: Эксмо. 2009. 408 с. EDN QRMMYZ
11. Зайончковский А. М. Первая мировая война. М.: Эксмо. 2025. 544 с.